

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Владимир Набоков и Вера Слоним: Ключи к пониманию

(Беседа в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки Фолиант МУК ТБК)

Владимир Набоков (23.04.1899-02.07.1977), русско-американский писатель), переводчик, литературовед ...

Красавец - аристократ, освоивший английский язык раньше русского и до конца жизни говоривший по-русски с легким акцентом. Знаток и любитель бабочек, шахмат и тенниса; единственный в XX веке двуязычный классик мировой литературы. Непревзойденный мастер словесного искусства, которое он сам называл ворожкой. Одинокий гений, не признававший ни предшественников, ни последователей. Блестящий ум и превосходное чувство юмора позволили Набокову стать отличным писателем.

Характерной особенностью его произведений были не столько живость образов, идей и закрученность сюжета, сколько виртуозное владение английским - языком для него неродным.

Его даты

Набоков родился 22 апреля 1899 года в столице Российской империи Санкт-Петербурге в знатной и богатой семье потомственного дворянина, крупного юриста Владимира Дмитриевича Набокова

В насыщенном событиями 1917 году его отец недолгое время входил в число министров правительства Керенского, а когда к власти в стране пришли большевики, Набоковы были вынуждены в 1919-м году эмигрировать.

В том же году Владимир поступил в Кембриджский университет и окончил его в 1922 году. В марте того же года в Берлине во время покушения на главу партии кадетов Павла Милюкова погиб отец Набокова, заслонивший Милюкова от пули террориста-монархиста.

Двадцатые-тридцатые годы Набоков провел в Берлине. Под псевдонимом Сиринопубликует романы *«Машенька»*, *«Защита Лужина»*, *«Приглашение на казнь»*, *«Дар»*, *«Подвиг»* и др.

Позже переезжает во Францию, живет в Париже. В 1940 году перебирается в США, преподает русскую литературу в университетах. Публикует на английском *«Лолиту»* - роман, принесший ему скандальную славу, эссе о Гоголе, *«Другие берега»*.

В 1961 году вместе с женой переезжает в Швейцарию; переводит на русский *«Лолиту»*, издает англоязычный перевод *«Евгения Онегина»*. В 1969-м выходит его роман *«Ада»*.

Скончался Владимир Набоков 2 июля 1977 года в возрасте 78 лет в Швейцарии.

«Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце - по-русски»

Вот как Набоков говорил о себе сам: *«Я - американский писатель, рождённый в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. ...Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце - по-русски, и моё ухо - по-французски»*.

В годы официального торжества социалистического реализма Набоков, как и другие писатели русского зарубежья, был запрещен, и каждая его строка, чудом дошедшая до нас, становилась подарком.

«Навсегда я готов затаиться и без имени жить. Я готов, чтоб с тобой и во снах не сходиться, отказаться от всяческих снов; обескровить себя, искалечить, не касаться любимейших книг, променять на любое наречье все, что есть у меня, - мой язык».

Люди старшего поколения еще хорошо помнят сильное впечатление от его стихов **«К России»**, которые почти мистически перекликались со строками тоже в то время запрещенной **Марины Цветаевой**: *«Не обольщусь и языком родным, его призывом млечным. Мне безразлично - на каком непонимаемой быть встречным!»*

А потом впечатление стало размываться, раздваиваться, и Набоков обернулся загадкой, до сих пор не разгаданной.

Наверное, мне не повезло, так как первым романом Набокова, который я прочитала еще в студенчестве, стал «Дар». Было почти невозможно совместить волшебные по художественному мастерству лирические признания героя и злое глумление над Чернышевским, а походя и над Достоевским и другими героями той эпохи.

Время шло, и Набоков возвращался в Россию, не переставая изумлять. *«Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиночестве»*, - говорил Владимиру Набокову **Иван Бунин**. Почему он так считал? Читая об отношениях Набокова с женой **Верой Слоним**, размышляя сегодня об извечном одиночестве нобелевского лауреата и о том, можно ли считать его учителем жизни, прихожу к выводу, что писатель всегда оставался верен себе.

Вовремя услышать свою судьбу

Рожденный в дворянской семье, он всегда помнил о своем происхождении и возвращался к своему детству как к источнику творчества и критерию жизненного поведения. *«Был я трудный, своенравный, до прекрасной крайности избалованный ребенок»*, - признавался он.

И, говоря о *«первичных чувствах младенчества»*, продолжал: *«Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства, - и в силу этой гармонии они с волшебной легкостью, сами по себе, без поэтического участия, откладываются в памяти сразу перебеленными черновиками»*. Чистовиком стала полная достоинства жизнь «изгнанника из рая».

До переезда в Америку все свои романы на русском языке писатель публиковал под псевдонимом. Многие находили псевдоним Сириин претенциозным, но для Набокова он, судя по всему, имел глубокий смысл. В средневековой мифологии сириин - райская птица, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русских духовных стихах сириин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением.

В западноевропейских легендах сириин - воплощение несчастной души. В судьбе Набокова-Сирина удивительно соединились эти смыслы.

Через все русскоязычные романы Набокова как лейтмотив проходит тема изгнания из рая - в гораздо более глубоком смысле, чем эмиграция. Это и ностальгия по оставленной России, и отрыв от семейных корней, но при этом и знак избранничества, ибо не всякий побывал в том раю.

«Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркерово перо в моей руке и самая рука кажутся мне довольно аляповатым обманом».

Глубокая психическая травма не сломала Набокова, но стала источником его вдохновения. *«Потеря родины оставалась для меня равнозначной потере возлюбленной, пока писание не утолило томления»*.

Меня у меня не отнимет никто

Владимир Набоков перевел на английский язык *«Слово о полку Игореве»*, опубликовал множество романов, из которых наибольшую известность получили те, что были написаны на русском языке (*«Камера обскура»*, *«Дар»*), а из созданных на английском - *«Лолита»*, *«Пнин»* и книга мемуаров *«Другие берега»*.

Для нас драгоценнее всего его исповедальные романы, в которых набоковское «Я» проявилось с наибольшей силой. Решительно все герои Набокова, как и сам автор, - убежденные индивидуалисты. Поразительно, но, всю жизнь почитавший **Пушкина**, а стихотворчеству учившийся у Волошина, Набоков воспринял у них все что угодно, но только не культ дружбы.

Его принципиальное одиночество, доходившее до эгоцентризма, помешало ему признать в поэзии **Пастернака** и **Ахматову**, в прозе - **Платонова**, **Зощенко** и **Булгакова**, в жизни - кого бы то ни было из собственного окружения: *«Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке»*.

Горестным авторским признанием звучат слова Цинциннаты из *«Приглашения на казнь»*: *«Как мне страшно. Как мне тошно. Но меня у меня не отнимет никто»*.

Вера Слоним - радости синоним

Познакомились они при загадочных обстоятельствах. Первая версия, набоковская: *«Я познакомился с моей женой, Верой Слоним, на одном из эмигрантских благотворительных балов в Берлине, на этих балах русские девушки традиционно торговали пуншем, книгами, цветами и игрушками»*.

На балу она была в черной маске с волчьим профилем. Загадочная дама увлекла Сирину в ночной город на прогулку. Маску снять отказалась, вроде бы для того, чтобы Набоков внимательно усвоил то, что она говорит, а не отвлекался на ее красоту. Набоков усвоил, потому что говорила она о его творчестве.

Внимание к своей персоне со стороны прекрасной незнакомки не могло не польстить юному Сирину. Благодарный, он написал стихотворение *«Встреча»* о романтической прогулке и маске.

Встреча

И странной близостью закованный...

А. Блок

Тоска, и тайна, и услада...
Как бы из зыбкой черноты
Медлительного маскарада
На смутный мост явилась ты.
И ночь текла, иплыли молча
В ее атласные струи
Той черной маски профиль волчий
И губы нежные твои.
И под каштаны, вдоль канала,
Прошла ты, искоса маня;
И что душа в тебе узнала,
Чем волновала ты меня?
Иль в нежности твоей минутной,
В минутном повороте плеч
Переживал я очерк смутный
Других - неповторимых - встреч?
И романтическая жалость тебя,
Быть может, привела понять,
Какая задрожала
Стихи пронзившая стрела?

Я ничего не знаю.
Странно трепещет стих,
И в нем - стрела...
Быть может, необманной, жданной
Ты, безымянная, была?
Но недоплаканная горесть
Наш замутила звездный час.
Вернулась в ночь двойная прорезь
Твоих - непросиявших - глаз...
Надолго ли? Навек?
Далече брожу и вслушиваюсь я
В движенье звезд над нашей встречей...
И если ты - судьба моя...
Тоска, и тайна, и услада,
И словно дальняя мольба...
Еще душе скитаться надо.
Но если ты - моя судьба...

Стихотворение было напечатано. Увидев его, Вера назначила свидание. Впоследствии она постоянно ускользала от него, оставляя неуловимый след, словно улыбку Чеширского кота.

Он писал ей - она отмалчивалась. Он был уязвлен и слал колкие депеши: *«Сперва я решил тебе послать просто чистый лист бумаги с вопросительным маленьким знаком посередине, но потом пожалел марку»*.

И все же изящному аристократичному писателю удалось растопить сердце красавицы: Вера стала его женой, его Музой и незаменимой помощницей. *«...радости синоним, сияет солнце без конца, чертами своего лица напоминая Веру Слоним»*, - так писал о жене Набокова **Иосиф Бродский**. Она махнула рукой на диплом Сорбонны, на прежние литературные успехи.

Возможно, дело в том, что Набоков насмехался над женщинами-писательницами, называя их жалкой провинциальщиной, а она его любила. Служить Автору стало ее призванием. А как иначе? Ведь они так похожи, даже буквы для них окрашены в цвета. Это свойство - «цветной слух» - передалось и сыну **Дмитрию**.

Словом, семья Набоковых была счастлива рассуждать, какого же цвета на самом деле буква «м» - розовая, голубая или клубничная. Впрочем, сама Вера не очень любила, когда ее муж говорил об этом посторонним. Когда же Набоков уже был готов рассказать об их первой встрече американскому ученому, Вера резко оборвала его на полуслове, обратившись к любопытствующему: *«Вы что, из КГБ?»*

Отец Веры, **Евсей Слоним**, был родом из небогатой семьи, изучал право, но адвокатом так и не стал - пятый пункт помешал. Но он стал крупным лесоторговцем, но в 1920 году вынужден был уехать из России, которой уже не были нужны толковые предприниматели. В Берлине он открыл издательство, выпускающее переводную литературу. Вера помогала отцу в этом, пока инфляция не снесла все его успешные начинания.

Все три дочери Евсея получили прекрасное образование. Вера, средняя, читала с трех лет и обладала уникальной памятью. Позже она станет «памятью Набокова», который частенько забывал и цитаты, и даже собственные тексты: Вера тут же подсказывала мужу и могла свободно цитировать огромные куски из его романов. Так же она знала наизусть «Евгения Онегина».

«Жесткий диск» ее памяти, хранившийся в прекрасной головке, выдавал Набокову ценные сведения из глубины совместно прожитых лет: вроде цвета куртки, которую носил их сын Митя в трехлетнем возрасте.

Пятый пункт

Женитьба на еврейке была для Набокова концептуальным поступком. Его отец погиб от руки экстремистов-черносотенцев, а до своей смерти всю жизнь боролся против юдофобии. В этом сын шел по стопам отца. Бывали случаи, когда он просто выходил из комнаты, оборвав собеседника на середине фразы, содержащей антиеврейский намек.

Иногда доходило до абсурда. Однажды писатель с женой отправились отдыхать на юг Франции. Там, в маленькой гостинице, которую держал отставной русский генерал, Набокову почудился дух антисемитизма. Несколько дней подряд он читал лекции генералу о значении евреев в русской жизни. После чего при упоминании самим Набоковым имени **Андре Жид** генерал строго отчитал писателя: *«В моем доме прощу не выражаться»...*

До Веры, кстати, у Набокова были короткие романы с двумя еврейскими девушками. Третий роман затянулся на всю жизнь. Эмигрантская жизнь была совсем не похожа на жизнь петербургскую, дореволюционную. Например, Евсей Слоним вовсе не был в восторге от такой партии для дочери. Это в России Набоков был бы завидной партией - аристократ, голубая кровь. Слоним как коммерсант понимал, что здесь, за границей, писательство обеспеченности совсем не гарантирует.

Но Вера была девушкой своевольной, совета отцовского не спрашивала. Однажды они просто пришли ужинать к ее родителям, и Вера как бы невзначай проронила: *«Нынче утром мы поженились»*.

Легко ли быть женой гения?

Набоков продолжал заниматься малоприбыльным репетиторством. Вера Набокова всяческую неустроенность быта терпела. Всю жизнь, по сути, они провели в меблированных комнатах, а когда маленького сына Митеньку знакомые спрашивали, где он живет, он отвечал: *«В маленьких домах около дорог»*.

Набоков не любил писать за письменным столом, предпочитая диван или ванну. *«Лолиту»* он написал на заднем сиденье их «бьюика», за рулем которого сидела Вера. Вместе они проехали по маршруту Гумберта Гумберта едва ли не через всю Америку, ночуя в мотелях, позже гениально им увековеченных. Затем Вера еще и спасала рукопись от уничтожения: пару раз Набоков в порыве гнева собирался выбросить ее в мусоропровод.

Набоков не только не умел водить машину. Еще в первые дни их семейной жизни он составил шуточный список вещей, которые он не умеет, и никогда не научится делать. А именно: водить машину, печатать на машинке, складывать зонт, беседовать с обывателями, говорить по-немецки (за столько лет жизни в Германии этот способный, можно сказать, гениальный в отношении языков человек, не удосужился выучить немецкий, потому что тот ему претил).

Все это до конца жизни за него делала Вера. И еще она работала. Даже когда писатель Сириг стал знаменит, их берлинские доходы были по-прежнему скудны. Вера работала в адвокатской конторе: до последних дней она помнила тот адский труд, когда ломит спину от машинки, стенографии, перепечатки, переводов и - в придачу - тошнит от немецкой тупости, пошлости, канцеляризма.

А Набоков занимался своим - романами. В череде романов родился их единственный сын Дмитрий. Поначалу Владимир Владимирович был немного огорчен тем, что Вера занята ребенком, и он не может ей диктовать. Жаловался, что это тормозит работу. Но сын есть сын, он был славный - сплошное очарование.

Уже были написаны *«Отчаяние»* и *«Защита Лужина»*, когда диктатором Германии стал Гитлер. Запылали костры из книг, открылись первые концлагеря, начались

погромы. Из Берлина надо было бежать - еврейское происхождение Веры не оставляло выбора. На последние деньги Набоков отправил семью в Прагу, а сам попытался устроиться во Франции.

А вскоре появилась причина, из-за которой писатель не торопился воссоединиться с Верой и сыном. Причину звали **Ирина Гваданини**. Барышня была дивно хороша собой, чувственна, знала уйму стихов. Других достоинств не наблюдалось. На жизнь она зарабатывала дрессурой и стрижкой пуделей - странный выбор для эстета Набокова.

Об увлечении мужа стало известно Вере, и она прервала его метания: *«Раз уж так влюблен, поезжай к ней»*. Спустя несколько недель Владимир вызвал ее и сына во Францию, сделав окончательный выбор в пользу семьи.

И снова бегство от немецких захватчиков. Теперь их приняла Америка, и хотя писатель был совсем не рад месту преподавателя литературы в женском колледже Уэлсли, выбирать не приходилось.

Сам он говорил, что, втолковывая молоденьким простушкам русские стихи, *«приколачивает гвозди золотыми часами»*. Однако Фортуна не оставила скитальца - Набоков получил место в Гарвардском музее, где изучал бабочек. За несколько лет он стал уникальным специалистом по бабочкам-голубянкам, его достижения никто не смог превзойти.

А потом распахнул свои двери Корнельский университет, где писатель получил славу самого эксцентричного преподавателя. Он ненавидел Достоевского и нередко рвал его книги в клочья на глазах у публики. Доставалось **Томасу Манну** и **Эриху Марии Рильке**, свою порцию колкостей получили **Михаил Зощенко** и **Александр Солженицын**. То он требовал от студентов досконального знания текстов, то вдруг снисходительно заявлял: *«Жизнь прекрасна. Жизнь печальна. Вот и все, что вам нужно знать»*.

И всюду его сопровождала Вера - поседевшая, но по-прежнему стройная красавица с алебастровой кожей. Супруг же заметно сдал, располнел, она вела его под локоть, неся стопку книг. Усаживала Автора и садилась рядом. Она сидела в первом ряду или где-нибудь поблизости, и взгляд Набокова-профессора был неизменно направлен на нее. По сути, все лекции были прочитаны Вере.

Он называл ее ассистентом. Вера помогала ему во всем, иногда даже принимая экзамены. Во время занятий, когда он забывал цитату (а забывал он их постоянно), Вера молниеносно подсказывала ему. Она раздавала буклеты, манипулировала классной доской, писала мелом. К старости они поистине стали единым целым: он и часа не мог провести без жены ...

Вся ее жизнь была деломпроизводством. Обладая уникальным свойством упорядочивать и корректировать тексты безболезненно для Набокова, она много лет «перебеливала» его рукописи - переводила из письма в печатный текст. Часто он просто диктовал ей.

Вдохновительница и помощница, Вера могла и отменить появление нового текста - к примеру, ей не понравилась идея романа о сиаемских близнецах, который должен был стать апофеозом набоковской «мании двойников». Могла она и спасти от небытия погребенный под черновиками и трудами по энтомологии роман - Bend Sinister. Набоков совсем забыл о нем, все лето посвятив ловле бабочек.

Она же предложила перевести «Евгения Онегина» на английский, при этом сама проделала огромную работу, перепечатав текст на трех тысячах листах.

В их бытовой жизни имелись просто потрясающие детали. Набоков так и не научился пользоваться телефоном. Он не мог разговаривать не только с обывателями, но и со всем остальным миром. От его имени всегда говорила Вера, а он стоял рядом с аппаратом. Она вела переговоры с издательствами и уговаривала издателей идти на уступки, выбивала гонорары. Вела его переписку, ограждая от желающих познакомиться. Гений не имеет права добродушно потакать праздному желанию многих.

Она писала письма, а Набоков их подписывал или просто одобрял. Многие ее письма начинались с уловки: *«Владимир начал это письмо, но вынужден был в спешке переключиться на что-то другое и попросил меня продолжить...»*

Вера была отлаженным механизмом, призванным поддерживать его Дар. Они оба были тружениками, но разного направления. Набоков рождал миры, населял их, заставлял жить. Вера - упорядочивала, выметала лишнее, чистила, скребла, выставляла напоказ. Она давала ему ощущение стабильности и основательности жизни. Естественно, что при этом Набоков сам не испытывал никакого интереса к обыденной реальности: скажем, к преподаванию и издательским делам.

Существует версия, что именно Вера вынуждала его ходить на лекции, поэтому и сопровождала его всюду. Набоков неоднократно подчеркивал, что ему необязательно возвращаться на родину, в полицейское государство: его Россия всегда была с ним - мир его детства, сын и Вера, которая создала комфортную оболочку из схожести вкусов, любви к словам, чуткости к красоте и чистоте языка.

И хотя схожесть их вкусов была не такой уже абсолютной, они оба обладали цветовым восприятием языка, любили игры, но в то же время в отличие от Набокова Вера увлекалась политикой, живописью, театром. Его же затащить на спектакль было невозможно. Он терпеть не мог домашних животных, и Вера развешивала у себя в комнате фотографии кошек и собак, принадлежащих друзьям.

Вера Набокова, урожденная Слоним, как утверждали очевидцы, была лучшей в мире из писательских жен. *«Без мой жены, - заметил однажды Набоков, - я бы не написал ни одного романа»*. Они вместе прожили 52 года.

Уже отшумели скандалы вокруг спасенной от огня «Лолиты», которую сначала объявили порнографическим романом, а затем превознесли до шедевра. Набоков был богат, известен и больше не желал оставаться в Америке. Здесь он не приобрел даже собственного дома - единственный дом навсегда остался в России.

Последним приютом Владимир Набоков избрал Швейцарию, отель «Палас» на берегу Женевского озера - там водились изумительные бабочки. И надо же, именно бабочки ускорили его уход. Погнавшись за одной, Набоков упал и сильно ударился о камень. Проболев два года, он навсегда покинул этот мир. Последними словами в полубреду были: *«Некоторые бабочки, наверное, уже начали взлетать.»*

Вера пережила мужа на 14 лет. Наверное, она рассердилась бы, узнав, что на ее могиле напишут: *«Жена, муза и агент»*. Она скорее чувствовала себя его тенью.

Сам он навеки остался в Мontre, деревушке Кларанс. Под роскошным голубым камнем, на котором написано Vladimir Nabokov еcrivain (писатель) 1899-1977. Ни креста, ни портрета. Зато башня тонет в винограднике, а на другом берегу - ледники и снежные вершины Секвойи. Женевское озеро с неутомимыми бабочками. Вечный покой и вечное счастье

Его произведения:

1. **Набоков В.В.** Собрание сочинений русского периода в 5 томах.- Симпозиум, 2000.

О нем:

1. **Видаль С.** Женщина, которая создала Набокова/Сесар Видаль/Пер. Хуана Кобо.- М.: РИА «Новости», 2002.

2. Владимир Набоков, властелин стиля// Психология.- 2008. - №10.

3. **Ливри А.** Физиология Сверхчеловека. Введение в третье тысячелетие. СПб/ Анатолий Ливри.: Алетейя, 2011. - 312 с.

4. **Меерсон О.** Набоков - апологет: Защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век. Под ред. Т. А. Касаткиной. В 2 томах. Т. 1. - М.: ИМЛИ РАН, 2007. Стр. 358-381.

5. **Салиева Л. К.** Риторика «Дара» Набокова. Реконструкция изобретения. - М., 2005.

Набоков ВВ фото

1960 В. Слоним и В. Набоков